

Л.П. Решетников
кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой
истории и исторического
архивоведения МГИК

Русский Исход как противостояние смуте 1917-1922 гг.

«Зарубежная» Россия – удивительный феномен российской истории XX века. В цивилизационном смысле речь идёт о продолжении существования исторической России за пределами её государственных границ, в рамках которых образовалась своего рода анти-Россия – Союз советских социалистических республик. Победили большевики-коммунисты, те, кто самыми радикальными методами начали ломку тысячелетнего наследия русской православной цивилизации. Вся страна должна была быть «зачищена» в прямом и переносном смысле для строительства коммунизма – интернационального рая на земле. Носители идеи исторической, национальной России после четырех лет открытого вооруженного сопротивления вынуждены были перед лицом физического уничтожения или политического и иного преследования покинуть Родину. В период с 1918 по 1922 гг. за границей оказалось свыше 2 млн бывших подданных Российской империи. Большинство беженцев составляли непосредственные или косвенные участники гражданской войны и члены их семей, но немало было и тех, кто хотя и был далёк от военных и политических коллизий, однако не хотел жить в условиях отказа от традиционного уклада и насильственного навязывания новых правил и порядка.

Среди наиболее многочисленных категорий вынужденных эмигрантов мы видим десятки тысяч офицеров, прошедших через сражения первой мировой и гражданской войн, казаков, прежде всего донских, кубанских, уральских, сибирских, студентов, кадетов и гимназистов старших классов, уральских рабочих, ученых, педагогов, деятелей культуры, инженеров,

врачей, купцов, предпринимателей, священнослужителей. Преобладающая часть – русские, малороссы, белорусы, но и калмыки, горцы Северного Кавказа, поляки, прибалтийские немцы, евреи. В общем – социальный и национальный срез Российской империи.

Беженцы уходили разными путями: одиночками, семьями, группами по родству и знакомству, в основном, в пограничные страны – в Финляндию, прибалтийские республики, Польшу, в Маньчжурию (Харбин). Кто был побогаче, пробирались подальше – в Югославию, Германию, Францию. Уникальным явлением стал массовый организованный уход воинских подразделений и примкнувших к ним гражданских беженцев. Одной из первых в этом ряду была эвакуация из Одессы в 1919 г., когда часть не желавших попасть под «диктатуру пролетариата» была переброшена в Болгарию, часть на острова в Мраморном море, а армейские пробились в Румынию. В марте 1920 года из Новороссийска на греческие острова, Кипр, в египетскую Александрию, в Югославию было эвакуировано свыше 50 тысяч, раненых и больных военнослужащих, членов их семей, детей, гражданских беженцев. Эвакуация штабом генерала А.Н. Деникина была крайне плохо организована, что привело к эпидемиям на кораблях и к высокому уровню смертности, особенно среди детей, в лагерях на острове Лемнос, в Александрии и других местах расселения эмигрантов. Массовыми (от 15 до 70 тысяч) были уходы военнослужащих армии Юденича и гражданских лиц в Эстонию, с северного фронта – в Норвегию, Англию и Финляндию, с восточного фронта адмирала Колчака – в Китай и Персию.

Грандиозной по масштабам и блестящей по организации была эвакуация из Крыма свыше 145 тысяч офицеров, солдат и казаков армии П.Н. Врангеля и беженцев в Турцию и Грецию, а черноморского флота в Тунис в ноябре 1920 года. Поток вынужденной эмиграции продолжался и в 1921 г., в основном в Китай. Последним массовым эпизодом стал уход армии М.К. Дитерихса и беженцев из Владивостока в октябре 1922 года. И в последующие годы люди бежали из СССР, но это уже было дело одиночек

или небольших групп, бравших на себя смелость преодолеть жесточайший контроль, установленный большевиками над всей страной.

Могли ли все эти люди не покидать Родину, ведь в подавляющем большинстве они искренне и глубоко её любили? Тоска по России охватывала их чуть ли не на второй день пребывания за границей. Часть, главным образом рядовых участников белого движения, в 1923–24 годах даже вернулась на Родину. В последующем, в 30-е годы многие из них были репрессированы. Когда армия П.Н. Врангеля уходила из Крыма, немало офицеров, солдат, казаков поверили официальному обещанию красного командарма М. Фрунзе не преследовать тех, кто не уйдёт в эмиграцию. Но буквально через несколько дней после захвата Крыма большевики начали кровавую «чистку», которой по указанию Ленина руководили «революционная фурия» Землячка и венгерский коммунист Бела Кун. Сейчас трудно установить точное число расстрелянных, утопленных и замученных. Исследователи называют цифры от 35 до 100 тысяч человек. Остаться в этих условиях в стране победившей социалистической революции означало неминуемо подвергнуть себя и своих близких уничтожению или жестокому преследованию и лишениям. Более того, большевистские власти не хотели присутствия в СССР даже тех лиц, которые не участвовали в белом сопротивлении и считали своим долгом оставаться на Родине в любой ситуации, но критически относились к тем или иным сторонам политики правящего режима.

Весной 1922 года Ленин по инициативе Ф. Дзержинского принимает решение о высылке за рубеж более двухсот деятелей гуманитарной науки и культуры. Коммунистическая идеология не терпит малейшего инакомыслия, и большевики, опасаясь критики своей экономической, социальной и культурной политики со стороны авторитетных и талантливых специалистов, решили таким путём избавиться от оппонентов. Объявив их «пособниками Антанты», «растлителями учащейся молодёжи», чекисты посадили русских ученых на пароход и отправили за границу в надежде, что их творчество, их

научные разработки, идеи и концепции больше никогда не дойдут до России. Просчитались большевики: многие работы изгнанных на «философском пароходе» оказались востребованы не только в эмиграции, но и в постсоветской России, а некоторые эмигранты-философы, например, Иван Ильин, стали, по сути, выдающимися мыслителями, оказавшими и оказывающими сегодня огромное влияние на формирование мировоззрения людей.

Первые же месяцы изгнания показали, что за рубеж ушли носители русской идеи, русской цивилизации, которые не собирались растворяться в чужеземном море, полностью приспосабливаться к иной вере, культуре, традициям, быту. В тяжелейших условиях они сразу же стали воссоздавать по сути ту же обстановку и атмосферу, характерную для их жизни в императорской России. В лагерях в Галлиполи, на Лемносе, в тунисской Бизерте, где были интернированы англичанами и французами десятки тысяч наших соотечественников, открывались палаточные церкви (обязательно со своим хором из беженцев), детские сады, гимназии, возобновляли свою деятельность кадетские корпуса, женские институты, издавались газеты и журналы (часто рукописные), возникали театральные коллективы, спортивные команды, проводились выставки, конкурсы. Знаменитый, гремевший по всему миру вплоть до 1970-х годов казачий хор под управлением С. Жарова, возник весной 1921 г. в палатках Донского казачьего корпуса на выжженной солнцем территории русского лагеря на греческом острове Лемнос. Русские изгнанники уже на начальном этапе эмиграции показали всему миру высочайший уровень самоорганизации нашего народа, его глубинную привязанность к своей вере, традициям, языку и культуре.

«Лагерный» период русского зарубежья фактически закончился к 1923 году. Беженцы стали расселяться по странам, стремясь попасть туда, где была религиозная, языковая, историческая и культурная близость и, конечно, возможность получить более или менее достойный приём и хотя бы какую-то работу. Так, вплоть до второй мировой войны, сложились своеобразные

центры русского зарубежья: Югославия, Франция, Китай (Харбин, Шанхай), Болгария, Чехословакия, Германия. Здесь сосредоточилось более двух третей эмигрантов, хотя география их относительно массового расселения охватывала Грецию, Англию, Бельгию, Австрию, Тунис, США, Египет, Марокко, Ливан и другие страны.

Особую роль центра русского зарубежья играла Югославия. Наши беженцы находились под личным патронажем югославского короля Александра I. Выпускник Санкт-Петербургского Пажеского корпуса, он создал для русской эмиграции максимально возможные для внутренней ситуации в стране условия. Значительные контингенты российских военных были приняты на службу в югославские пограничные войска и в жандармерию, задействованы на строительстве дорог. Кадетские корпуса и женские институты получили здания и материальную поддержку, выпуски окончивших эти учебные заведения продолжались до 1944 года. Многие выпускники получали возможности для поступления в высшие учебные заведения Югославии. Важную роль в поддержке малообеспеченных семей, беженцев в преклонном возрасте, военных инвалидов, сирот, вдов играла созданная по указу короля Александра I «Державная комиссия». Она распределяла материальную помощь, устраивала беженцев на работу, в санатории, инвалидные дома.

Югославия стала и одним из главных духовных центров русского зарубежья. Здесь с 1921 года в городке Сремски Карловци находилось Временное высшее церковное управление, а с сентября 1922 года Архиерейский синод Русской православной зарубежной церкви под председательством митрополита Антония (Храповицкого). В эмиграцию в разные страны выехало несколько десятков митрополитов, архиепископов и епископов, а также несколько сотен священников, монахов и монахинь. Их ряды пополнялись из числа беженцев и их детей на протяжении пяти десятилетий. До 1927 г. синод РПЗЦ формально находился в общении с Московским Патриархатом РПЦ, но и эта призрачная связь была официально

прервана, когда временно управляющий РПЦ митрополит Сергей потребовал от зарубежных архиереев письменное заявление о своей лояльности к советской власти.

В русской эмиграции сложились ещё два–три центра, претендовавшие на роль духовного окормителя значительного числа беженцев, но авторитет и влияние Архиерейского синода РПЦ были преобладающими. Его усилиями была создана практически по всему миру система приходов, духовных училищ, семинарий, монастырей, богаделен. Священники выполняли свою миссию в школах, детских и молодёжных лагерях русских организаций витязей и разведчиков, в старческих и инвалидных домах эмиграции. Можно без преувеличения сказать, что православная церковь сыграла решающую роль в сохранении большей частью беженцев полной причастности к русскому народу, культуре, традиции, неизбывной любви к России. Кроме того, благодаря всей этой многогранной деятельности священнослужителей, и мирян, жители самых разных стран знакомились с православной верой и со многими чертами русской цивилизации. Как результат, в настоящее время мы имеем тысячи православных французов, немцев, американцев, австралийцев. На сегодня двое беженцев, деятелей православия за рубежом, канонизированы Русской православной церковью – святитель Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский, и святитель Серафим Софийский (Соболев), архиепископ Богучарский.

Примечательно, что Югославия на некоторое время стала центром и для беженцев-буддистов. В двадцатые годы XX века в Белграде эмигранты-калмыки, в большом количестве сражавшиеся в рядах Белой армии, создали первый в Европе буддийский дацан (храм).

Одной из важнейших проблем русского мира за рубежом, от решения которой зависело его будущее, было образование на родном языке по программам, разработанными русскими педагогами в дореволюционное время с необходимыми дополнениями последних лет. Эмиграция в целом справилась с этой задачей, благодаря значительному числу преподавателей,

профессуры, вынужденных покинуть Родину. В 20–30-е годы только в Югославии и Болгарии действовали 24 гимназии и начальные школы, 14 профессиональных школ, включая кадетские корпуса. Примерно такое же число образовательных учреждений работало во Франции, в том числе знаменитые военные курсы генерала Н.Н. Головина, сочетавшие в себе и образовательные, и исследовательские функции. В Китае, прежде всего в Шанхае и Харбине, также были созданы начальные и средние школы. По несколько гимназий, школ и училищ было в Чехословакии, США, Германии, Греции. Получившие таким образом среднее образование дети беженцев, как правило, успешно выдерживали вступительные экзамены в университеты и институты различных стран. Решался и вопрос получения образования и бывшими воинами Белой армии, вступившими на путь борьбы, недоучившись в российских учебных заведениях. Определённые преференции им давались в Югославии и в Болгарии. Чехословакия выступила с инициативой бесплатного обучения в своих вузах двух тысяч русских эмигрантов. Таким образом, русское зарубежье получило значительное число хорошо подготовленных врачей, ветеринаров, агрономов, юристов, инженеров.

Однако немалая часть эмиграции сталкивалась с огромными жизненными трудностями, особенно люди среднего и старшего возраста, вдовы, военные инвалиды. Вопросы трудоустройства, элементарного пропитания порой были практически неразрешимы. Приходилось устраиваться на самую низкооплачиваемую работу, и это считалось за удачу. В целом, подавляющее большинство беженцев жило довольно скромно, а нередко и впроголодь.

Именно в этих условиях проявились высокие профессиональные и моральные качества русских ученых и педагогов, оказавших большое влияние на развитие науки и образования в Югославии, Болгарии, а также во Франции, США. Например, такие выдающиеся деятели науки Российской империи, как А.Ф. Маньковский, В.В. Завьялов, П.М. Богаевский, Г.Е. Рейн,

Н.С. Трубецкой, С.С. Абрамов, П.М. Бицилли, И.Ф. Шапшал, Д.Д. Крылов, А.Э. Янишевский, С.С. Демосфенов, И.Г. Кинкель, Н.Н. Глубоковский подняли авторитет Софийского университета на высокий международный уровень. А.Д. Билимович, Н.Н. Салтыков, В.С. Жардецкий, Г.Н. Пио-Ульский, В.В. Фармаковский, С.К. Рамзин, А.И. Игнатовский, Д.Ф. Конев, Н.А. Пушкин, В.И. Мартино, И.С. Свищёв, А.П. Доброклонский, Е.В. Аничков и другие стали подлинным украшением Белградского университета. Во всемирно известном центре французской науки – Пастеровском институте – работали видные русские исследователи: биологи С.Н. Виноградский и С.И. Метальников. Заметный вклад в развитие французской геологии внес Н.И. Андрусов, химии – член-корреспондент французской Академии наук А.А. Титов. Прага стала центром русской исторической, философской и юридической мысли. К середине 1920-х годов ряд наших соотечественников – ученых, изобретателей, инженеров – перебрались из Европы в США, где получили возможности для реализации своих творческих замыслов. Это известные всему миру химики В.Н. Ипатьев и А.Е. Чичибабин, выдающийся конструктор самолетов и вертолетов И.И. Сикорский, один из создателей телевидения В.К. Зворыкин, основатель американской школы византологии А.А. Васильев и другие.

Первая волна русской эмиграции оставила заметный след и в русской литературе. Творчество писателей и поэтов Нобелевского лауреата И.А. Бунина, И.С. Шмелёва, К.Д. Бальмонта, Н.Н. Тuroверова, М.Д. Каратеева, А.И. Куприна, Б.К. Зайцева и других вошли в золотой литературный фонд России. Имена русских ученых, артистов, певцов, мастеров балета, художников, архитекторов, вынужденных покинуть Родину, звучали на всех континентах. Это было послание разгромленной и порабощенной большевиками с помощью иностранных «доброжелателей» русской православной цивилизации остальному миру, предупреждавшее о том, что без исторической России он вступает на трагический путь духовной и культурной деградации.

Большинство русских эмигрантов жили с мыслью о возвращении на Родину, многие считали, что придётся вновь брать в руки оружие. Некоторые, понимая, что самим им с советской властью не справиться и, помня, как англичане, французы и американцы предали Белое движение в годы гражданской войны, стали строить планы в расчёте на «возрождающуюся» после первой мировой войны Германию, даже не пытаясь разобраться в сущности гитлеризма и его реальных устремлениях. Выдающийся русский философ И. Ильин, бежавший в 1938 г. из Германии в Швейцарию, писал: «Я никогда не мог понять, как русские люди могли сочувствовать национал-социалистам... Они враги России, презиравшие русских людей последним презрением... Коммунизм в России был для них только предлогом, чтобы оправдать... свою жажду завоевания». Но сочувствовавшие имелись. Это были изгнанники, как правило, горячо любившие Родину, потерявшие почти всё, включая родных и близких, и яростно ненавидевшие большевиков. Эта ненависть не давала разграничить интересы Отечества и политического режима, понять, что речь идёт не о судьбе диктатуры Сталина, а о судьбе России.

Сколько же эмигрантов пошло на сотрудничество в той или иной форме с гитлеровцами на начало мировой войны? Анализ разрозненных данных позволяет с определённой долей уверенности говорить, что речь идёт о примерно 27–28 процентах эмигрантов в возрасте от 18 до 60 лет. Одним из наиболее массовых формирований был Русский охранный корпус, созданный в Югославии в сентябре 1941 года. Через него прошло за годы войны 12–13 тысяч собственно белых эмигрантов и их детей. До сентября 1944 г. корпус нёс в основном сторожевую службу, охраняя мосты, склады, различные военные объекты. Столкновения с партизанами Тито, хотя и носили ожесточенный характер, но, как правило, были не масштабными. За три года корпус потерял убитыми 282 человека и 494 ранеными. Значительно больше было дезертиров (468) и уволенных по рапортам и болезни (1870). К сентябрю 1944 года, то есть к моменту выхода Красной армии к границам

Югославии, число не желавших воевать на стороне немцев возросло. За 6 месяцев из корпуса дезертировали 480 человек, уволены по болезни и рапортам 1587, пропали без вести 2002 человека при 734 убитых и 2478 раненых. В мае 1945 года в Русском охранном корпусе числилось лишь около 4500 военнослужащих.

Другая заметная группа эмигрантов находилась в составе так называемого «Казачьего стана», сформированного генералами Красновым и Шкуро под контролем немцев. Часть из них побывала на Восточном фронте, однако в 1943 г. «стан» в полном составе был перебросен в Италию для несения в основном охранной службы. В казачьей дивизии Г. Панвица в Югославии служили как казаки и их дети из эмиграции, так и советские граждане, ушедшие с немцами из казачьих районов СССР. К советскому предателю Власову пристали лишь отдельные личности из числа белых беженцев.

Большинство в русском зарубежье не пошло за Гитлером. Около 60 процентов из рассматриваемой категории беженцев первой волны заняли позицию отказа от поддержки воюющих сторон какими-либо действиями, но симпатии выражались по нарастающей только в отношении одной из них – Советского Союза. Как отмечалось в отчёте Дирекции полиции Болгарии в августе 1943 года, «эмигранты помнят о своем русском происхождении, радуются победам Красной армии даже тогда, когда боятся большевизма».

Многие эмигранты и их дети внесли свой вклад в победе над фашизмом. Свыше 10 процентов лиц призывного возраста сражались в армиях Франции, Англии, США, во французских, бельгийских, сербских, чешских, итальянских отрядах или подпольных группах Сопротивления некоммунистического толка. Только во французской армии воевало около 3000 тысяч человек, более 250 погибли в боях в Северной Африке и Нормандии. Замечательный поэт русского зарубежья, есаул Войска Донского Николай Туроверов, четырежды раненый на фронтах Гражданской войны, в годы Второй мировой был капитаном французской армии, героически

сражался в Северной Африке, был тяжело ранен, награждён боевым орденом армии Франции.

С началом Великой Отечественной войны часть эмигрантов (1.5– 2 процента) включилась в движение Сопротивления, организованного левыми силами. Это были, в первую очередь, дети белых эмигрантов, выросшие в Югославии, Болгарии, Греции, Франции, попавшие под влияние коммунистической идеологии. Но были среди них и идейные противники коммунизма, вступившие в партизанские отряды и подпольные группы, исходя из сугубо антифашистских и патриотических побуждений. Отпрыск знаменитого аристократического рода, известный в последующем учёный-филолог Илья Голенищев-Кутузов, воевал у партизан Тито в Югославии, прошёл через гестапо и концентрационный лагерь.

В целом русская эмиграция в своём значительном большинстве сделала во время Великой Отечественной войны нравственный выбор. Нельзя было ожидать, что вся она, как один, вольётся в ряды коммунистического Сопротивления и с оружием в руках встанет на защиту Советского Союза. Слишком много крови и несчастий принесла им советская власть, слишком тяжелы были воспоминания о гражданской войне, потере родных и близких, отчего дома, жизни в изгнании. Но русская эмиграция, за исключением меньшинства, сумела увидеть в агрессии Гитлера против СССР не борьбу фашизма с ненавистным ей коммунистическим режимом, а войну на уничтожение горячо любимой Родины и не пошла за немцами.

После разгрома фашистской Германии в русском зарубежье произошли тектонические сдвиги. С приходом Советской армии в страны Восточной Европы и установления там коммунистических режимов Югославия, Болгария и Чехословакия перестали существовать как центры эмиграции. То же произошло и с Китаем после победы китайских коммунистов. Тысячи семей перебрались в страны Западной Европы, США, Латинскую Америку, Австралию. Причина – нежелание жить в системе советской власти, опасность политического преследования. Оставшаяся

часть подверглась в 1944–1950 годах жестокой чистке со стороны советских спецслужб и местных силовых структур. При этом арестовывались и отправлялись в лагеря ГУЛАГа, а то и расстреливались на месте, не только те, кто в какой-то степени сотрудничал с немецкими властями (а таких осталось очень мало). Большинство задерживалось за 25-летнее прошлое, за гражданскую войну. Часто не учитывались преклонный возраст, пол, болезни. Многие погибли в лагерях, некоторые пережили их ужасы, остались в СССР или вновь уехали в эмиграцию.

Поредели ряды бывших русских беженцев и в Западной Европе – из разрушенных второй мировой войной Франции, Германии, Бельгии немало уехало в США и Латинскую Америку. Так, наряду с оставшимися традиционными центрами русского зарубежья Францией, Бельгией появились Соединенные штаты, Аргентина, Австралия. Практически все довоенные формы и методы работы русских организаций возродились на новой почве и продолжают жить и в настоящее время, правда, в значительно меньших масштабах. Практически к середине 1980-х годов ушли из жизни собственно беженцы первой волны. Сегодня крайне мало осталось и их детей. Но русское зарубежье живёт в лице внуков, правнуков и праправнуков тех, кто, спасаясь от расправы, покинул Родину сто лет назад. Они хранят заветы своих предков, а значит, заветы исторической России, русской православной цивилизации, возрождение которой главный смысл существования современной Российской Федерации.

Статья подготовлена для сборника «Защитники русской государственности в портретах и событиях», изданной НБФ «Наследие» в рамках проекта «Анатомия российской смуты. История и современность» на средства гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

